

С показаниями „Слова“ перекликаются показания Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. Они согласно утверждают, что против Игоря войска выступила вся Половецкая земля („послашася по всей земли своей... и приспе к ним дружина вся, многое множество, и рече Игорь: «се, ведающе, собрахом на ся землю всю»“.¹ Наконец, не случайно, вероятно, и то, что, обращаясь к прошлому, автор „Слова“ упоминает почти исключительно тех князей, деятельность которых была связана с Тмутороканью или Доном, и что Тмуторокань упомянута в „Слове“ четырежды, а Дон тринадцать раз.

Значительность целей похода, условия географические и условия времени убеждают нас в том, что войско Игоря было конным. Если в IX—X веках, отправляясь в походы против Византии и Дунайской Болгарии, русские использовали конницу в ограниченном количестве, опираясь на многочисленный флот, то в XI—XII веках Русское государство самими обстоятельствами вынуждено было большим массам степной конницы противопоставить свою конницу. Театр военных действий стал огромным: от Волги до Дуная, от Сулы до Азовского и Черного морей. Изменились условия поиска противника, ведения боя, наступления и отступления — война стала маневренной. Вот почему значение лодейного флота при борьбе с кочевниками падает, а „конница в это время стала играть главную роль“.²

Насколько возрастает значение конницы в XI—XII веках, свидетельствует тот факт, что когда Изяслав в 1068 году потерпел поражение, киевляне говорят: „Се половци росулися по земли; дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними“.³ То, что князья имели большие табуны коней, подтверждается целым рядом летописных записей. Так, например, Ипатьевская летопись сообщает, что Василько Романович во время похода по земле Белзской и Червенской захватил „многи плены, стада коньска и кобыля“, что при победе Всеволода Юрьевича в 1177 году князь и его союзники „села боярские взяша, и кони, и скот“.⁴ Под 1146 годом летопись называет „тобун князей Игоря и Святослава в 3000 кобыл стадных и 1000 коней“.⁵ Летописное известие 1170 года говорит, что Мстислав Мстиславич отослал от себя Петра и Нестера Бориславичей „про ту вину, яко холопи ею кони Мъстиславли покрадоша в стаде и пятна на них свое въсклали“.⁶ Традиция князей иметь собственные табуны коней прослеживается в духовных грамотах князей. Например, в духовной великого князя Ивана Ивановича говорится: „А что моих стад коневых, и жереппев, и кобылиць, а то сыну моему князю Дмитрию и сыну моему князю Ивану, то им наполю“. В духовной князя Серпуховского Владимира Андреевича сказано: „А что мое стадо седелное, кони, и лошаки, и жеребци, и кобылье стадо, а то дал есмь княгине своей... А что есмь стада подавал детям своим, и те стада детям моим“.⁷

Таким образом, князья, имея большие табуны коней, могли в случае похода сажать на конь городское ополчение и своих смердов.

¹ А. С. Орлов, ук. соч., стр. 173, 173—174, 167.

² История культуры древней Руси, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 404.

³ Повесть временных лет, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 114.

⁴ В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Изд. АН СССР, М., 1950, стр. 137, 179.

⁵ Б. Д. Греков. Киевская Русь. Учпедгиз, М., 1949, стр. 328.

⁶ ПСРА, т. XXV, стр. 78.

⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 16, 50.